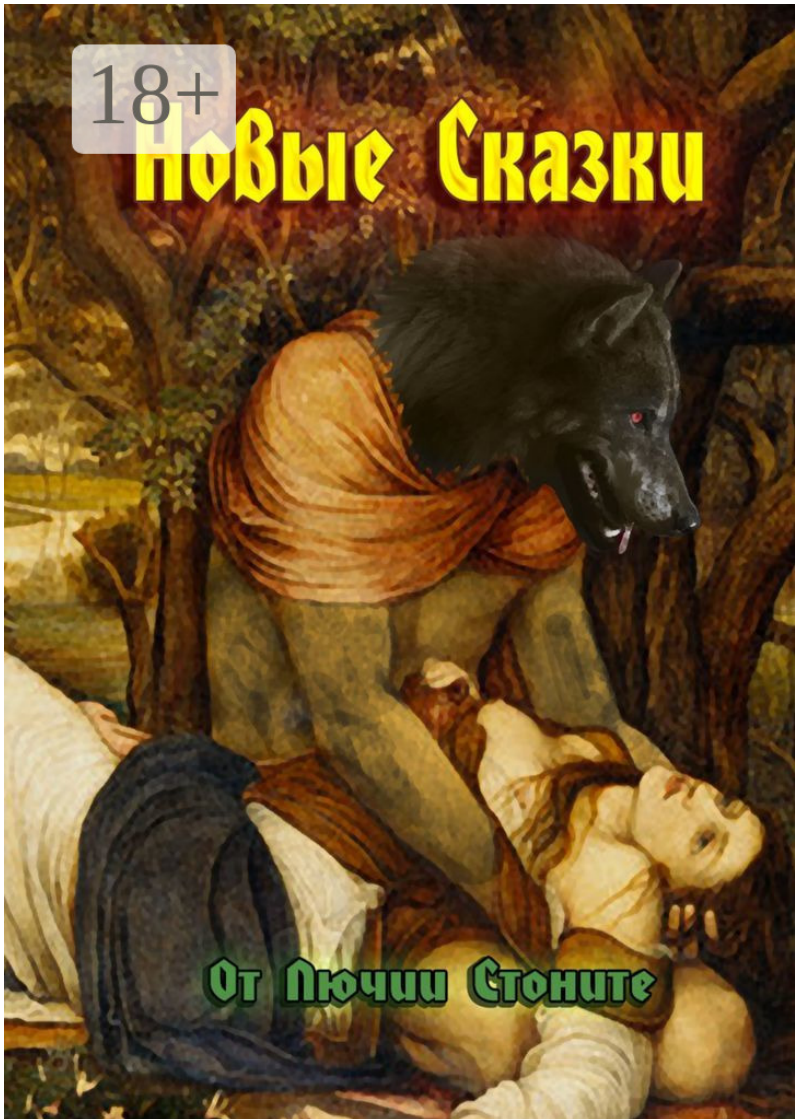

18+

Новые Сказки

От Пючии Стоните

Лючия Витуникаса Стоните

НОВЫЕ сказки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39826728

ISBN 9785449600134

Аннотация

Мистические сущности, оборотни, царевны и русалки встретятся вам на страницах этой книги. И, конечно же, смелые герои, преодолевающие трудности на своем пути. Мистические явления нашей жизни и поистине волшебные путешествия души также раскроются вам в стихах после самобытных сказок, написанных в русской поэтической традиции.

Содержание

ПРИНЦЕССА МОРЯ	5
ВОЙ ИЗ ЧЕРНОГО ЛЕСА	16
СКАЗКА ОБ ОХОТНИКЕ И ХРУСТАЛЬНОМ ГОРОДЕ	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Новые сказки

Лючия Витуникаса Стоните

© Лючия Витуникаса Стоните, 2022

ISBN 978-5-4496-0013-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРИНЦЕССА МОРЯ

Как-то в вечер дивный, звездный,
я бродил один у моря.
Ветер пел мотив бесслезный.
Лес качался, песне вторя.

Волны ноги мне ласкали.
Сверху хитро, ну, кокетка,
Мне глаза луны мигали,
словно в зал глядит субретка.

Я все шел, пути не зная.
Вдруг услышал звук свирели.
Будто внял я звукам рая.
Будто эльфы тихо пели.

Кто играет так печально?
Где укрылось то созданье,
что выводит звук кристальный,
шлет мечты в мое сознание.

Я прошел немного дале.
Там, где сосны к морю льнули,
встретил тень самой печали.
Думал: «Грежу ль я? Не сплю ли?»

Юн был тот певец прекрасный.
Был налит младою силой.
Так красив, как месяц ясный.
Может, он грустил о милой?

Как прервать я мог страданья?
Тот поймет, кто был томимый.
Может, песнь была посланьем
ей жестокой, ей – любимой?

Я стоял во тьме пустынной.
Ночью нет нужды скрываться.
Знать хотел я ту причину,
что изводит так страдальца.

В те минуты, словно в сказке,
я увидел образ Евы.
Стан серебрился лунной краской.
К морю шло виденье девы.

Мой певец воскликнул громко.
Ждал? Не ждал сего явленья?
Там, у самой моря кромки,
слушал он ее веленья.

Миг, – и дева, словно призрак,
скрылась в чаще леса темной.
Мой Орфей, никем не признан,

вслед смотрел ей грустно, томно.

С тех событий год уж минул.
Вновь я в край морской вернулся.
В край, который зря покинул, —
будто спал – и, вот, проснулся.

Вновь я там, где с морем в ссоре
ветер ветви сосен треплет.
Там, где чайки в вечном споре.
Там, где время тихо дремлет.

В вечер звездный, чуть туманный,
вновь брожу, и спать не в силах.
Слышу звук у леса странный.
Плач? Покой волною смыло.

Близ подножий сосен стройных
кто-то в белом тихо плачет.
Средь просторов спящих, вольных,
что рыданья эти значат?

Ближе, ближе... Боже правый!
Вся седая, в белом платье,
чья-то мать, но облик странный, —
лик старухи с ладной статью.

«Кто ты, странник? Нет, не бойся!
Я не призрак в час ненастный.

Если страшно, – в чаше скройся.
Нет? Так слушай быль несчастной.

В девах я, любима Жданом,
время зря тянуть не стала.
Вскоре, жив семейным ладом,
счастья лучше я не знала.

Дочь свою мы Дайной звали.
Не дал Бог детей нам боле.
Дочь любя, мы бед не ждали.
Все, однако, в Божьей воле.

Наша дочь росла красивой.
Так, не зная ни в чем отказа,
стала, словно конь, строптивой.
Может, это все от сглаза?

Суть да дело, дочку нашу
срок настал уж замуж сватать.
Ясно, – нет девицы краше.
Труд пустой красавиц прятать.

Всех сватов красотка Дайна
прочь гнала и вслед смеялась.
В том была сокрыта тайна.
Я узнать ее пыталась.

Нет, напрасно. Дочь младая

Все смеялась, все шутила.
Синих глаз огнем сверкая,
в полночь к морю все ходила.

Горько, больно было слышать
мне от Дайны дерзкий смех.
Как из камня воду выжать?
Ох, следить за дочкой – грех!

Вскоре люди нам сказали,
что у моря прошлой ночью
флейты плачь они слышали.
Слушать песни ходит дочка?

Кто же, кто, в округе нашей
стал играть на чудной флейте?
Юн, и зрел, и кто постарше, —
нам никто не мог ответить.

Только есть одна старушка...
Молвят, вещей дар имеет.
Пусть стара и пусть тщедушна,
тайным знаньем, мол, владеет.

Мы совет ее спросили,
все поведав, что тревожит.
Слух про флейту ей открыли.
Может, чем-то нам поможет?

Нам волхва шепнула:" Скверно.
Ох, у вас случилось горе.
Ваша дочь влюбилась, верно,
страшно молвить, в Сына моря!

Раз в сто лет из вод выходит.
Все в одно и то же место.
Трель любви в ночи выводит.
Ищет он себе невесту».

Бог мой! Любит дочь, не зная!
Жить нелепо, с чувством споря.
Все ж не может дочь земная
Стать женою Сына моря?!

Ждан и я скорее к дочке.
Дайна, ты сама ли знаешь,
кто такой, с кем каждой ночью
ты восход луны встречаешь?

Вся бледна бедняжка стала.
Молвит: " Нет мне счастья в свете!
Всю и раньше правду знала
я о нем, еще не встретив!

Год назад мне сон приснился,
будто мне в любви признался
принц, что в полночь мне явился.
Сыном моря он назвался.

Сон забыть была не в силах.
Может, я судьбы боялась?
Только Бога я молила,
чтоб виденье в явь не сталося.

Но однажды в вечер лунный
тайный голос звал на море.
Словно в сердце тронул струны.
Шла туда... В своей ли воле?

Был весь берег светом залит.
Море тихо так плескалось.
Мне мерцало, будто манит,
словно кот к ногам ласкалось.

Я сидела как в тумане,
сердца стук один лишь слыша.
Я честна, поверьте с вами,
принц ко мне из моря вышел!

Тихо сел со мною рядом.
Флейта с ним была золотая.
Стал играть, лаская взглядом,
будто он меня уж знает.

Мы встречались каждый вечер.
Молча он играл на флейте.
Каждый день мне мнился вечным.

Вас прошу, над тем не смейтесь.

Долго к морю я ходила
И на принца все дивилась.
Только вдруг в себе открыла:
Как же?! В принца я влюбилась!

Лишь одно теперь я знаю, —
жить без принца нет причины.
В нем одном души не чаю.
С ним останусь до кончины».

Как всю правду мы узнали,
Дайну мы стеречь решили.
Долго думать мы не стали, —
дочь в амбар на ключ закрыли.

Только спать могли едва ли.
Вдруг, почуяв запах гари,
вместе с мужем быстро встали.
Ой, никак пожар в амбаре?!

Я во двор. Амбар светился.
Пламя вилось выше крыши.
Молча наш сосед крестился.
Только треск и было слышно.

– Ждан, воды! Замок сбивайте!
– Дайна, дочка, встань у двери!

Мне к дверям воды давайте!
Кто поджег?! Не люди -звери!

Я металась, как шальная.
Быстро дверь в амбар открыли.
Где же дочь моя родная?
Пусто! Мы в дверях застыли.

Где ее искать уж знали.
К морю тут же мы помчались.
Дочку долго нашу звали.
Волны лишь в ответ плескались.

Сонный берег был пустынным.
Море слабо в ночь мерцало
лунным отблеском картинным.
Лишь оно всю правду знало.

С ночи той седа я стала.
Каждый вечер тянет к морю.
В море слез моих немало.
Только нет лекарств от горя.

Свой рассказ окончив вскоре,
села мать на брег песчаный,
с жизнью и судьбой не споря.
Сел и я, как гость незванный.

Молча мы сидели с нею.

Утро уж в права вступало.
Море, нам мешать не смея,
мыслям в такт слегка плескало.

Вдруг волна, резвее прочих,
прямо в ноги нам метнулась.
Ног коснувшись, как нарочно,
в дом родной тотчас вернулась.

Та волна, в залог издевки,
плоский камень нам оставив,
пала вниз совсем неловко,
нас от брызг своих избавив.

Что за камень? Очень странный...
Взял я в руки дар беспечно.
Этот цвет? Да он янтарный!
Но зачем он весь исчерчен?

Камень я отдал прекрасный.
Как продать я дал советы.
Вдруг услышал крик несчастной:
«Дочка! Дайна! Дар заветный!»

– Бог мой! Да она рехнулась!
С горем разум плохо дружит.
Вон, сидит, в комок свернулась.
Видно, ум ей плохо служит.

Я сказал, как можно мягче:
«Вам пойти б домой, уснуть бы».
– Странник, солнце светит ярче,
Ты бы шел сюда, взглянул бы.

Беглый взгляд на камень бросил.
С той, обратной, плоской грани,
что не стал смотреть я вовсе,
словно ангел нежный глянул.

Был прекрасен образ девы.
Ясно – камню нет урона.
Счастье в лице юной Евы.
Но зачем на ней корона?!

ВОЙ ИЗ ЧЕРНОГО ЛЕСА

Житель я городской, и, поживши, не молод.
Как и все устаю от забот и трудов.
А, когда уж невмочь, невзирая на холод,
поезд скорый увозит меня под Тамбов.

Лица все дорогие в поселке одном:
тетки, дяди, племяшки, деды-старожилы.
Рады мне. Вечерами в застолье хмельном
через слово твердят, что покамест-то живы.

Там, в тамбовском краю, деревья до небес.
В темных чашах, оврагах, зубастые рыщут.
Там заснеженный рай, но порою окрест,
среди пушистых кустов, перепелки не свищут.

Там трава-мурава и ручьи, и болота.
Нет зверью распривольней и краше земли.
Только кто-то еще, неопознанный кто-то,
словно демон кривой затаился вдали.

Молвят люди, порою из чащи глухой,
в ночи темные, в срок волшебства полнолуныя,
будто слышится зов – ужасающий вой.
Может, это с обличем играет колдунья?

Но луна убывает, худеет и вновь
все полесье объято чудесным покоем.
Но у дальней избы снова найдена кровь.
Здесь никто, никогда, не забудет о вое.

То корова уйдет, и найдут колокольчик.
В черных каплях трава, – и вокруг тишина.
Тут не выйдет никто в приближении ночи.
И ни волки, ни лес, – неизвестность страшна.

Здесь на волка охотились исстари вольно.
Коли волка бояться, то в лес не ходить!
Серых шкур на базары свезли предовольно.
В страхе этом ночами не волка винить.

Старый дед рассказал про чудное градище.
Где-то в чаще забытой, что в дальних лесах,
будто духи иль люди на старом кладбище.
Там живут и к кому-то приходят во снах.

Но про это про все откровенно не скажут.
Здесь пожить, и откроется правда, как есть.
Иль увидишь глазами, иль кто-то покажет.
Мертвым найден сосед, изуродован весь.

Тело порвано в клочья, и кровь по проулку.
Тихий пахарь земли не умел навредить.
Что за зверь разорвал? Ведь не мягкую булку?!

Но не съел, а как-будто хотел устрашить.

Но кому устрашать захотелось округу?

Не являя себя, ничего не прося?

Только ходит слушок в деревушке по кругу —
это древние духи, проснувшись, грозят.

Ведь убийца не может исчезнуть так скоро.

Не оставив следа, ни ножа, ни тряпицы!

В раз на третий годок, изрыдавшись ором,
б, абы местные в траур спешат обрядиться.

И от жалоб усердных отдачи немного.

Едут, ищут, расследуют – все невпопад.

Много пишут бумаг, и обратно в дорогу.

Был иль не был сыскарь, – поприкрыл снегопад.

Тут метель разыграется коли не в шутку, —

ни дорог не найдешь, ни домов не видать.

Вроде тихо кругом, но спокойствие хрупко.

И ружье из сеней не спешат убирать.

Как луна наберет полномочную силу,

как прольет на снега промороженный свет,

будто тени встают из забытой могилы.

Снова вой за окном, а следов-то и нет!

Прадед в детстве моем нарасказывал байку,

как столетье назад снаряжались в отряд.

Как собак собирали в шумливые стайки.
В лес охотиться шли, почитай, наугад.

Но никто, никогда не нашел это чудо.
Может, думаю я, неприлежно искали.
Как-то, было, придумал один недоумок, —
мол де, жертву оставим, и сгинут печали!

Что ж решили. И, телку под дубом оставив,
и поодаль, с верхушки сосны наблюдали.
Только утром замерзшие, чуть поотаяв,
всем сказали, что нечисть в глаза не видали.

Ну, не вышло, не вышло, чего тут дивиться?
С телкой дело решили опять повторить.
Вдруг послышался крик: «Запропала девица!»
Снова зверю селян удалось обхитрить.

В этот раз отыскалось, однако, отличие.
След в снегу отпечатал коварный злодей.
Дверь открыла девица сама, без приличья.
Четкий след человеческий нашли у дверей.

Шел по снегу разбойник, как-будто бы с ношей.
Диво дивное – след-то босой! Да в морозы!
Вдруг увидели гребень девичий замерзший.
Он чернел на снегу, аккурат под березой.

Чу! Охотники разом в испуге застыли;

след ноги превратился в звериный, огромный!
Четко снег утоптал. Показалось, накрыли!
Самый старый нашептывал матом отборным.

Молча шли мужики по печатям звериным,
но цепочка, и та, невзначай разорвалась.
И, не веря глазам, покивав на осины,
людям только домой возвратиться осталось.

Вот пришли, и, не помня себя, рассказали.
Бабы охать и плакать опять принялись.
Сильно родичи девки пропавшей страдали.
Пред народом зверюгу найти поклялись.

Только солнце взошло, и природа проснулась,
только начали люди кормежку коров,
глядь, деваха из леса живая вернулась.
Прямо в поле пошла, не заметив домов.

Вся одежда несчастной разорвана в клочья.
И висит, растопырясь, треплясь на ветру.
Что случилось с несчастной, понятно той ночью...
Бабы девку вернули к родному двору.

Мать с отцом, не нарадуясь, кинулись к дочке:
«Нам разбойника имя скажи, не обидим».
Все просили, глядели в любимые очи,
но она промолчала, как-будто не видя.

Так никто ничего не узнал от девицы.
Толь глуха, ну, а может быть, в сглазе каком?
Мать с отцом приходили в часовню молиться, —
мол, за что же дитя повредилось умом?

Лишь своих узнавать научилась немая.
Как посмотришь – красotka. Да как же помочь?
Тут беда с ней еще приключилась другая.
Видят близкие: «Боже, беременна дочь!»

В срок, положенный всем, разрешилась ребенком.
Был младенец красив, окруженный стараньем.
Взгляд непросто отвести от зеленых глазенок.
Только мать не имела к нему состраданья.

Ей дадут покормить и уносят сыночка.
А она не глядит на него и не нянчит.
Вдруг в колодце ее обнаружили ночью.
Сильно плакал в ту ночь новорожденный мальчик.

Мамка с батей по дочке проплакали с месяц.
Но внучок отнимал все вниманье и силы.
Тут соседи напомнили: «Деток-то крестят».
И завьюжило снегом тропинку к могиле.

Бабка с дедом пошли с мальчуганом в часовню.
Крестных выбрали внучеку, как подобает.
А священник- то имя младенца не вспомнил.
Молвил, – болен и старый, и все забывает.

А в селе прозывали ребенка «лесовским».
Меж собой называли, глаза отводили.
А назвали- то так, не сказать бы «бесовским».
Лишь от деда да бабки прозваньице скрыли.

Дед да бабка сказали: «Алешей назвали».
«Что ж, Алексей пригож», – констатировал старец.
Крестных тут же к купели поближе позвали.
Тут младенец священника цапнул за палец.

Чувство страха объяло крестивших ребенка.
«Нет, не видел такого», – крестился священник.
Тут малыш заревел, и куда бы не деться,
так орал, что вода зарябилась в купели.

«Видно день-то неправильный выбрали Леше», —
всем сказал, осеняя знаменьем, священник.
– «Будьте дети готовы к несправедной ноше.
А крестить постараюсь в другой понедельник».

Но в иной понедельник случилось ненастье.
В день другой непонятно малыш расхворался.
Он почти что не ел, но не плакал и, к счастью,
глядя взглядом зеленым на всех, улыбался.

Как погода утихла, и мальчик окрепнул,
вновь собрались пойти и его окрестить.
Только деда недуг на полати повергнул, —

стало тяжело на сердце и трудно ходить.

Тут задумались родичи: «Что же поделать?
Как крестить, так какая беда приключиться!
Может, в доме проявится дьякона смелость?
И случиться внучку наконец покреститься».

Дьякон к дому пришел. И купель притащили.
Глядь, младенца несчастного бросило в жар.
И откуда настоем лечебным поили,
в доме, будто бы с крыши, начался пожар.

Дым валит и заполнил собою светлицу.
Стали воду таскать, потушить постараться.
А дьячок испугался и начал молиться.
Лишь младенец один не грустил, а смеялся!

Стало ясно – мешает какая-то сила.
Но откуда взялась? От кого же исходит?
Бабка: «Отче, небесный, спаси и помилуй!»
Дьяк от детки испуганных глаз не отводит.

Отмер он и гуськом зашпешил по дороге.
Крикнул только в воротах: «Идите к ведунье!»
Дед сказал, мол де, место ведьмачке в остроге.
Бабка: «Нам драгоценно, – она-то молчунья.

Скажет правду, в селенье трепаться не станет.
Что твориться с дитем объяснит и поможет.

Глядь, беда неминуемая напрочь отстанет,
вдруг внучку и крещение станет возможным?»

В доме старом ведунья одна доживала.
За калитку к себе никогда не звала.
Бабам местным она втихаря колдовала.
До заката лечебные травы рвала.

К ней пришли и дитя, покрестясь, показали.
Что не так- то с внучком попросили открыть.
Только глянула ведьма и сразу сказала:
«Вам в чащобу его б отнести, да забыть!»

С горя бабка и дед закричали со злобой:
«Чтоб судьба на тебе, наконец, отыгралась!
Чтоб тебя одолела какая хвороба!»
Ведьма вслед недотепам тихонько смеялась.

Лет с пяток незаметно прошло, и забылся
злой ведунья для внука ужасный совет.
Мальчик рос и на улице часто резвился.
Бабке с дедушкой был, как в окошечке свет.

В лес любил уходить по грибы спозаранку.
Вместе с дедом они исходили округу.
Как-то раз притащили олешка-подранка.
Внука тот сторонился, бодался с испугу.

Как-то дед задержался, трудясь во дворе.

Слышит что-то пищит на задах олененок.
Встал за изгородь, смотрит, а внук, озверев,
скалит с рыканьем зубы, как-будто волчонок.

«Леша, что же скотинку несчастную дразнишь?»
Внук не слышит и снова, как дикий скакнул.
«Что же зверем оскаленным, козликом скачешь?»
Взглядом страшным на деда лишь внучек сверкнул.

Бабка только с трудом оттащила парнишку.
Дед охрип, объясняя, срываясь на окрик.
Спать легли, утомившись с волнения слишком.
Внук же с лунного круга глазенок не сводит.

Так не спал постреленок и спать не давал.
Все просил по утру за грибами пойти.
Дед ему, отмахнувшись, про лес обещал.
Только утром внучка не случилось найти.

Бабка с дедкой искали в деревне повсюду.
Всех детей попросили мальчонка позвать.
Да не вышло увидеть любимое чудо.
И решили родные в лесу поискать.

Братья деда, племянники, в лес поспешили.
До заката вернуть обещались мальчика.
А ведунья-то бабке: «Народ не смешили б!»
Только крикнула это и прочь от крыльца.

Солнце в лес утонуть неспеша собиралось,
к дому бабки родные пришли рассказать,
как искали везде и кричали, старались,
но никак не смогли пострельца отыскать.

Бабка в слезы. Ревет, успевай вытираться.
Дед сказал, что соседи придут ко двору,
мол, с собаками завтрашним днем обыскаться
все решили. И пустятся вслед поутру.

А на утро собак по селу насбирали.
И одежду внучка принесли на понюх.
Резво в лес, разделившись по три, поспешали,
только в зорьку успел раскричаться петух.

Что ж леса до болот исходили изрядно.
Но дитяти нигде и следа не видать.
Хоть толпою иди, общись поотрядно, —
ясно стало – мальчика не судьба повстречать.

Дед да бабка от горя рыдали, закрывшись.
Даже ставни окон не хотели открыть.
И во сне, в полудреме недолгой забывшись,
все искали внучка и просили простить.

Ночь рыдали и день, и, неделю промаясь,
все ж решили в церквушке кровинку отпеть.
И пошли, попросили дьячка-то, покаясь.
Дьяк замолвил словечко, да начал хрипеть.

Он с испугу за горло схватился и драпать.
Шагом быстрым пошел поскорей из дверей.
Воск свечей не успел на обувку накапать,
как умчался дьячок от несчастных людей.

На обратной дороге ведунья встречалась.
Вновь блеснула на них синевою очей.
Снова вслед нехорошим смешком засмеялась.
И сказала: «Живите, но бойтесь ночей!»

После случая с дьяком, сбежавшим, охрипшим,
все соседи сторонкой избу обходили.
Часто деда встречали с главою поникшей.
Бабка с мужем по лесу нередко бродили.

В ночь однажды луны полновесно налитой
все село услышало протяжнейший вой.
Плакал будто волчище, порядком побитый.
А ему подпевал недоросток другой.

Так столетье назад повелось по округе, —
как луна обретает полночную силу,
вой двойной, убиваются будто о друге,
слышен всем. И рисуется образ могилы.

Свыклись здесь с неизведанным дивом лесным.
Знают все, без премудрости, правила жизни:
за порог не ходи с приближеньем ночным.

И тогда поживешь на просторах отчизны.

Я не больно-то верю в легенды дедов.

Ну, рассказ... Предовольно однако занятный.

Только здесь ни за что не пойду за порог

я один в догорающий час предзакатный...

СКАЗКА ОБ ОХОТНИКЕ И ХРУСТАЛЬНОМ ГОРОДЕ

В моем краю преданье бродит.
От местных старцев то исходит,
что жил в предгорьях здесь охотник.
Отцом его Кузьма был – плотник.
А сына странно Велгой звали.
И мал он был, когда порвали
волков голодных, лютых, зубы
отца и мать. И стало худо.
Со старым дедом трудно жили.
Подчас коренья лишь варили.
Давали люди им пшеницу.
Но в доме бедном ей храниться
с трудом случалось и неделю.
Была еда, да мигом съели.
Но Велга рос совсем неслабым.
Годок-другой, и стал он ладным.
Охоте дедом был обучен.
И редко день его был скучен.
Теперь леса их впрок кормили.
И люди деньги им платили
за мясо зайца и оленя.
И Велге вслед неслись хваленья.
И девы все в селе робели,

когда в глаза его глядели, —
таким красивым Велга стался.
И слабый пол на милость сдался
его глазам синее сини.
Но в них застыл морозный иней.
Как-будто дев красы не видел.
И скольких молча так обидел.
В ответ на слово, лишь нахмурясь,
в леса спешил, слегка сутулясь.
Никто не видел дев хулящим,
но стали звать его пропащим.
В лета вошел, пора жениться.
Пора с женой, детьми возиться.
А он все ходит в лес спокойно.
Лишь там ему совсем привольно.
Вернулся как-то, — крик соседа:
«Скорей иди! Не стало деда...»
И будто свет померк для внука.
«И как мне жить? Какая мука!
Душа родная рядом пела.
И мной жила, со мной летела.
Теперь один совсем остался».
И ум его во сне метался.
Соседи ладный гроб купили.
Ведь деда там, в селе, любили.
В церквушке всем селом отпели.
И на погост свезли под ели.
Обряд поминный так свершили,
как нужно. Чинно ели, пили.

Прощаясь с Велгой, так сказали:
«Держись! И сильным будь в печали.
Тебе любая дверь открыта.
Судьба твоя и с нашей слита».

Остался Велга в доме стылom.
И свет казался уж немилым.
Но жизнь обяжет всех работой.
И жить пришлось опять охотой.
С утра леса манили далью.
И Велга шел, объят печалью.
В предгорьях лес красивый, рослый.
Стволы берез сменяют сосны.
А выше сопки вдоль долины.
И дальше скал крутых вершины.
К ручью пришел охотник смелый.
Поодаль блеск заметил белый.
Пошел на блик совсем неслышно.
Из леса дева в белом вышла.
Коса бела под стать одежде.
Такой красы не видел прежде.
Глаза у ней, как два топаза.
Нельзя сберечь себя от сглаза,
глядя на тонкий лик девицы.
И сердце стало чаще биться.
И Велга, будто столб застывший,
стоял, себя и речь забывши.
И вдруг в главе его хмельной
раздался голос: «Тихо стой!»

Не видел, чтобы рта раскрыла
девица, что пред ним застыла.
Но вот вопрос услышал новый:
«Скажи, как звать тебя, бедовый?»
Хотел сказать, услышал: «Знаю,
ведь мысли я твои читаю.
И мыслью я веду беседу.
Ты – Велга, сам сейчас поведал.
Не нужно вслух сказать стараться.
Сама могу уж я признаться,
что слышу мысли, будто речи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.